

УДК 81'23

ББК 81.1

**А.А. Ермакова,
Л.П. Прокофьева****СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ
АССОЦИИ
В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ
ДЕТСКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ**

На основе современных представлений о роли межчувственных ассоциаций в сознании носителей языка раскрывается понятие синестезии и делается попытка выявления её роли в фольклорном тексте колыбельных песен для детей на русском и немецком языках. Разработан и проведен комплексный анализ ритмическо-мелодической, лексико-семантической, звуковой и буквенной структуры текстов, выявлены общие и специфические признаки. Сделана попытка интерпретации полученных данных с точки зрения лингвокультурологии и фоносемантики. Намечен план дальнейших исследований корреляций звука и смысла в русских и немецких колыбельных для самых маленьких.

Ключевые слова: комплексный анализ текста, фоносемантика, русский, немецкий фольклор, колыбельные, синестезия.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-2-131-141

Ермакова Анна Александровна – аспирант кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского
E-mail: anna5fox@bk.ru

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, зав.кафедрой русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского
E-mail: prokofievalp@mail.ru

©Ермакова А.А.,
Прокофьева Л.П., 2020.

Лингвистическое исследование синестезии началось со статьи И.Н. Горелова «О возможной примарной мотивированности языкового знака» [Горелов, 1969]. Там впервые прозвучал тезис об обусловленности ассоциативно-образного восприятия звуков механизмом синестезии. В 1975г. американский когнитивный психолог и нейрофизиолог Л. Маркс пришел к выводу, что синестезия является доязыковой, допонятийной формой категоризации, осуществляемой «на уровне организма» и присущей всему человечеству [Marks, 1975]. Расширение и размывание явления, обозначаемого термином, произошло в последние десятилетия XX в., когда слово «синестезия» стало употребляться для обозначения любого межчувственного переноса: на этом языке «говорит метафора, поэзия, разнообразные виды искусства» [Петренко, 1997, с. 317]. По сути это синестетическое образное мышление, которое по традиции продолжают называть синестезией, в широком смысле понимаемой как способ целостного восприятия мира, в процессе познания которого приобретаются черты символизации.

Психолингвистика предоставила инструмент, позволяющий проявить способы регулярного появления межсенсорных связей. Программы исследований, со времен конца 20-х гг. XX в. трансформировавшихся в методологию, позволили исследователям набрать мощную доказательную базу для теоретического обобщения системы интермодальных связей в сознании человека и их языковых реализаций. Выделение в на-

чале 80-х гг. фоносемантики как самостоятельного раздела также продвинуло вперед методологию, предложив инструмент многофакторного анализа слов, потенциально содержащих звукосемантическую информацию. Весьма актуальным остается вопрос о единицах – хранителях такой информации – в современных лингвистических исследованиях обнаруживается весьма широкий разброс от звуков, звуковых сочетаний, фонем, графем, звукобукв [Прокофьева, 1994] – до наибольших структурных единиц, таких как звуковые комплексы или фонестемы, понимаемые как «фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию» [Hauseholder, 1946, p. 83–84].

В работах В.В. Левицкого была предложена стройная статистическая методика выявления семантико-фонетических корреляций звуко-комплексов в английском и в немецком языках, что позволило закрепить за фонестемами определенные значения [Левицкий, 1986]. На данном этапе нашего исследования речь будет идти о звуках и фонемах, поскольку материал начальных и конечных фонем находится в процессе сбора. Существует и проблема методологии подобных исследований: «требуется дальнейший поиск новых методик, в том числе нейропсихолингвистических» [Михалев, 2018, с. 178].

Исследование речевого произведения с точки зрения отражения в нем синестетических элементов проводится в современной психолингвистике на различном материале: это и живая речь, и письменный текст, и особые смешанные формы, живущие в устном виде, но фиксируемые письмом исследователями (глоссолалии, заговоры, камлания и проч.). Совершенно незаслуженно в стороне долгое время оставался фольклорный текст, в котором синестетическое (креолизованное) восприятие обусловлено устной формой бытования. Среди наиболее значимых общих свойств устной речи исследователи отмечают многоканальность (участие в слуховом восприятии как минимум трех каналов – вербального, мелодического и визуального) [Гаспаров, 1978], что обеспечивает восприятию устного слова комплексность и делает фольклор мощным средством эмоционального воздействия и приближает его к визуально-акустическим (многоканальным) видам искусства [Венгранович, 2004]. Однако в отличие от синтетических видов профессионального искусства – театра, киноискусства, телеискусства, оперного искусства и др., в которых синтез элементов осуществляется произвольно, – в фольклоре синтез элементов (текста, мелодии, жестов, мимики и др.) «возник из преобразования синкретичного состояния, исторически ему предшествующего» [Аникин, 1996, с. 158] и протекает синхронно, более органично и естественно, поскольку каждый из элементов служит дополнительным эстетическим фактором организации самого текста. Говоря о восприятии, нельзя не выделить тексты, в которых сознательное низводится до бессознательного – это тексты для детей, причем младшего возраста, не владеющих еще полноценной речью или находящихся в начале пути ее освоения. Все вышесказанное является одним из косвенных

доказательств выбора в качестве первичной единицы исследования фонемы, репрезентируемой звуками и зафиксированной с помощью букв национального языка.

Для проверки гипотезы, что именно в фольклорных песнях для самых маленьких возможно найти основы изначальной, отприродной связи между формой языкового знака и его содержанием, мы провели постановочный эксперимент, для которого методом сплошной выборки были отобраны по 30 колыбельных на русском и немецком языках. Проведен комплексный статистический анализ ритмомелодической структуры текстов (1), их лексико-семантический анализ (2), предварительное распределение статистически значимых звуков, фонем и звукокомплексов в немецких текстах и компьютерный анализ звукобуквенной структуры русских колыбельных (3). В данной статье речь пойдет о первой и второй частях эксперимента, третьей части посвящена отдельная статья.

(1) Фольклорный стих имеет двойственную музыкально-речевую природу, поэтому во многом он подчинен напеву [Тимофеев, 1958; Артеменко, 1977]. Иногда из-за этого происходит нарушение соответствий между звуком и слогом: на один слог может выпеваться иногда целая музыкальная фраза. Это приводит к появлению в тексте «пустых» в языковом отношении фраз (слово растягивается на большое количество тактов), лишенных текстового наполнения. В детских колыбельных это повторяющиеся слова и распевы *бай, бай, бай; ой лю-ли, лю-ли, люли; баю-баюшки-баю* в русском, *schlaf, Kindchen, schlaf – спи, малыш, спи; ninne, ninne, sause – люлька, люлька катись; Eia popeia popei – баюшки баю, бай, haijo bobaijo, su – su – setche, ei, ei, Pupille! – ей, ей, супота!, haidl haidl, bubaidl* в немецком. Этими же причинами (синкретизмом жанров устно-поэтического творчества и, соответственно, структурообразующей ролью мелодии) объясняется и возникновение в фольклорном поэтическом тексте «пустых» рефренов, приводящих к функциональному преобразованию (десемантизации) лексических единиц в звуковые комплексы, необходимые для инструментовки стиха.

В ходе проведенного анализа метра и ритма колыбельных в русском и немецком языках, удалось установить, что в нашем материале статистически значимыми являются: хорей – 63 %, анапест – 27 %, ямб – 10 % (русские); хорей – 90 %, ямб – 10 % (немецкие). Полученные нами данные подтвердили выводы Д.С. Ивахнова о значимости хореического метра для детской поэзии, что может быть объяснено совпадением данного ритма с ритмами движений, характеризующих игровую деятельность ребенка [Ивахнов, 1985]. Таким образом, получили подтверждение и наблюдения, сделанные К.И. Чуковским [Чуковский, 1961, с. 562]. Отмечается преобладание двудольных размеров, что объясняется большей простотой восприятия. Ребенком легче воспринимается ритм, состоящий из двух разнородных элементов, чем из трех, так как введение лишнего элемента загружает регистр сенсорной памяти ребенка, еще недостаточно развитой. У С.Н. Цейтлин находим, что исследователи раннего этапа онтогенеза также отмечали хореический характер ритма первых

детских слов и предложений [Цейтлин, 2000, с. 74]. Единственное отличие касается трехдольных размеров, в этом наши результаты разошлись с выводами Д.С. Ивахнова. Он настаивал на высокой значимости дактиля, объясняя это тем, что в нисходящих размерах первая стопа, как правило, ударная, а потом идет безударный слог, что упрощает восприятие текста ребенком. Наш материал показывает, что в немногочисленных русских колыбельных с анапестом, как правило, встречается явная эмоция угрозы как по отношению к ребенку, так и по отношению к факторам, которые мешают ребенку спать: *Придет старый старичок, Хворостинкой посечет, Он за то посечет, Что ты мало спишь, По ночам всегда кричишь*. Правоммерно предположить, что трехдольные размеры в колыбельных дополняют исходную семантику равномерности двудольных, добавляя контрастные ритмы и протосмыслы. Именно этот ритм, по нашим наблюдениям, помогает создать атмосферу нагнетания и устрашения. Выводы Д.С. Ивахнова сделаны на основе анализа творчества К.И. Чуковского, тогда как на материале фольклора подобного исследования проведено не было. Отметим, что в немецком материале трехдольных размеров не обнаружено. Что касается ямбического метра, то его использование в русских и немецких колыбельных составил одинаковый процент. В большинстве случаев он отмечен в текстах повествовательного характера, где есть сюжет, герои.

С.Н. Цейтлин не раз подчеркивала, что дети реагируют на просодику, которая кодирует эмоции [Цейтлин, 2000, с. 74]. Н.Х. Швачкин делает выводы о том, что ребенок усваивает фонетическую сторону в определенной последовательности: сначала интонацию, затем ритм, и лишь только после года – звуковой состав слова: «Семантической особенности начального периода в развитии детской речи соответствует его фонетическая особенность. <...> Не фонема (являющаяся фонетической единицей словесной речи), а интонация ритм, а затем и общий звуковой рисунок слов получают в этот период семантическую нагрузку» [Швачкин, 2004, с. 115]. Исследования на материале немецкого языка также подтверждают, что очень рано, еще на доречевой стадии – в возрасте двенадцати-восемнадцати месяцев – в вокализациях ребенка уже можно наблюдать лингвоспецифические особенности системы ударения, что во многом связано с эмоциональным восприятием звуковой стороны речи у детей этого возраста [Röhr-Sendlmeier, 2005, S. 68].

(2) Лексико-семантический анализ текстов на русском и немецком языке позволил выделить несколько основных тематических групп слов (таблица).

Первое, что обращает на себя внимание, это употребление антропонимов в русском языке и отсутствие этой группы в немецком языке. В связи с суевериями в Германии было не принято называть детей по имени в колыбельных песнях, чтобы избежать дурного влияния темных сил. В русских колыбельных довольно часто употребляют антропонимы, это связано во многом с проявлением нежности и материнской любви: называя своего ребенка по имени, мать выражает к нему эти чувства.

Общее и специфическое в тематических группах колыбельных

Тематические группы	Русские колыбельные	Немецкие колыбельные
Антропонимы	Машенька, Сереженька, Ванюшка, Аннушка;	
Антропоморфные образы:	Дрёма, Сон, Покой, Угомон, Бобай, Бука, старый старичок, бессонье;	der Polacke – поляк, ein arger Wind – злой ветер, der Tod – смерть, der Butzemann – домовый, леший, die Trude – колдунья, ведьма, der Alb – подземный дух, der Pracher – попрошайка;
Название животных и птиц:	котя-коток, котбормот, кошка, собаченька, мышка, коровка, волчок, гулюшки, ласточки, куницы, соколы, соболи, лисицы, касаточки, журавли, петя-петушок, грачи, воркот;	der Wolf – волк, das Schaf – овца, die Fliegen – мухи, die Fische – рыбы, das Gickelchen – петушок (разг.), die Raben – вороны, das Hühnchen – курочка, das Vögelchen – птичка, der Fuchs – лиса, schwarzes Hündelein – черная собачка, das Lämmchen – барашек, schwarzes Schaf – черная овца, weisses Schaf – белая овца;
Название и описание колыбели и частей к ней:	колыбель, люля точенная, очеп, лучки, люлька, зыбка, одеялечко, постелюшка, зыбочка, кольца, пробойца, перинушка;	
Обращения к ребенку:	маленький, дитячка, дитятко, дитя, мое неруганое, приголубленное, дитя материно, моя дочка, моя ягодка, мой миленький, младень;	kleiner Hadersack – маленький нищоброд, kleiner Dicksack – маленький пузан, kleiner Küttelsack – маленький мешок с потрохами, grobskopffets Kind – Филиппок (большеголовый ребенок), das Kindlein/Kindchen – малыш, du Sünderlein – ты безбожник, der Pupille – сирота, der Büble – сыночек, mein Kleiner – мой маленький, mein liebes Kind – мое дорогое дитя, mein Kind – мое дитя, kleines Bübchen – маленький малыш;

Окончание таблицы

Усыпление:	каченъице, укладыванице, качать, прибаюкивать, укладывать, усыплять, удремлять, баюкать;	
Угроза:	колотушек надавать, батог, посечь хворостинкой, схватить за бочок, потащить в темный лесок, съест мышка, коровка – под бочка, не даст молочка, снести на погост, зарыть в могилу;	geben die Rute – отпороть прутом, розгами, drücken – удавить, ersticken – душисть, in den Sack stecken – засунуть в мешок, kriegen Kinder Kloppe Klopffisch – отпороть, stecken in ein kleines Körbelein – засунуть в маленькую коробочку, schlagen – бить, machen die Augen nimmer auf – никогда не открывать глаза, in den großen ledernen Sack reinstecken – засунуть в большой кожаный мешок, picken – клевать, mitnehmen – забирать с собой, beissen – кусать, weh tun – делать больно;
Звукоподражания:	с к р и п - с к р и п – звук ворот, скрип-скрипит – звук сухой берёзы.	sisa sisa – звук дудки, giga, giga – звук скрипки, tratra, tratra – звук трубы, dengdenk, dengdeng – звук свирели, trumtrum, trumtrum – звук барабана, bimbam, bambau – звук колокола, quick didi quack – звук птиц, knick, knick, knack – звук колыбели, mäh, Lämmchen, mäh – бе, барашек, бе, haidl haidl, bubaidl, Kloppe Klopffisch – звук розог, прута, мурен – ворчать, knurren – брюзжать;
Явления природы:		der Wind – ветер, arger Wind – злой ветер;
Обозначение места, по которому планируют бить:		der Grind – голова, das Hinterlein – попка;
Название поощрений, подарков:	зипун, шубки, шапки, валенки, платочек, носки лаковые, сапожки, корки с мяконькой, сметанка, молочко, пирожок, горшок каши, калачи, пряник, сосочка с рожком, сайка	das Vögelchen – птичка, rote Mützen – красные шапки, der Brei – каша

Тематическая группа **«Антропоморфные образы»** также имеет ряд особенностей. *Дрёма, Сон, Покой, Угомон* являются мифологическими образами, они на каком-то этапе получили антропоморфные черты и быстро вошли в обиход, являясь отголосками славянского язычества, которое считало их домовыми духами, которых время от времени призывали для усыпления ребенка. *Бука, старый старичок, бессонье и Бобай* – это отрицательные персонажи колыбельных песен, которых, наоборот, изгоняют, так как они мешают ребенку спать, пугают его. Отличие немецких колыбельных в отсутствии положительных антропоморфных образов и в том, что все они имеют своей целью напугать ребенка тем, что, если он не уснет, то к нему применят насилие: *der Butzemann* – *домовой, леший, die Trude* – *колдунья, ведьма, der Alb* – *подземный дух* удушат, удавят, заберут и т.д., даже смерть могла прийти и забрать с собой.

Использование животных и птиц представлено как в русских колыбельных, так и в немецких. Главной особенностью этой группы является обращение к коту. Скорее всего, это связано с языческим славянским духом, котом Баюном, а также с обычаем сначала пускать в новую колыбель кошку, и только после этого родители решались положить туда ребенка. В немецких колыбельных кот не встречается – в западной традиции кошка ассоциировалась с сатаной, так как считалось, что она единственная, кто не оплакивал смерть Христа. Очень часто используется образ *Schaf* – *овцы*, причем есть различие *weißes* – «белая» и *schwarzes* – «черная», если ребенок не засыпает, то приходит *schwarzes Schaf* – «черная» овца и кусает его, встречается в этой роли еще *schwarzes Hündelein* «черная собачка».

Если в русской традиции волк приходит и утаскивает во лесок, то в немецкой *der Fuchs* – *лиса* увозит на санях злых детей; если *петушок поет, спать не дает* в русской, то в немецкой *das Gickelchen* – *петушок* (разг.), *das Hühnchen* – *курочка* используются для того, чтобы выщипать из них все перья и сделать кроватку ребенку.

Группа **«Название и описание колыбели и частей к ней»** выделена в русских колыбельных, так как очень часто и подробно описывается идеальная колыбель и сравнивается с колыбелью кота: *У кота ли, у кота колыбелька золота; У дитяти моего есть покраше его.*

Группа **«Обращения к ребенку»** одинаково представлена и в русских и в немецких колыбельных, но если в русских это всегда выражение нежности и любви: *маленький, деточка, дитятко, дитя, мое неруганое, приголубленное*, то в немецких помимо нежности мы встречаем сарказм и насмешку: *kleiner Hadersack* – *маленький нищепрод, kleiner Küttelsack* – *маленький мешок с помрохами, grosskopfets Kind* – *Филиппок (большоголовый ребенок), das Kindlein/ Kindchen* – *малыш.*

Одной из особенностей русских колыбельных песен является употребление слов со значением «усыплять», так как это является главной целью матери – убаюкать ребенка, чтобы он уснул. В лексиконе песен очень часто встречаются глаголы с семантикой «усыпления», в немецких колыбельных данная группа не была выявлена.

Интересным представляется описание угрозы в колыбельных, так как в русском и немецком материале эта группа представлена очень активно. Ф.С. Капица, ссылаясь на исследования А.М. Мартыновой, считает их пережитком древнего обычая, когда слабых, увечных и «лишних» детей убивали, избавляя от мук болезни и голода [Капица, Колядич, 2016, с. 44]. Известный исследователь русского фольклора В.П. Аникин говорит о том, что считать, что мать действительно желает в этих песнях смерти ребенку, грубо ошибочно. Распевая такую песню, мать не только не желает смерти ребенку, а, напротив, по её представлениям, борется за его жизнь и здоровье. К младенцу пристают разные болезни, нападают плаксивцы – существа, олицетворяющие болезни, вызывающие беспокойный крик и плач. Чтобы избавить ребенка от муки, мать решается обмануть существа, иногда заявляя в песне, что ребенок все равно умрет или даже мертв. Мать верила, что после такого пения злые силы оставят ребенка в покое. В полном соответствии с этим толкованием колыбельных песен находится славянский обряд имитирования похорон. Таким образом, данный обряд был направлен на обман злых сил, причиняющих ребенку боль. [Аникин, 1957, с. 91]. В немецком языке также присутствует образ Tod – смерти, немецкий исследователь фольклора Т.Фрайтаг писал о том, что постоянное переживание ранней смерти детей в средние века должно было вызвать эмоциональное безразличие к следующему поколению, что сегодня трудно себе представить. Также детоубийство и торговля детьми были в порядке вещей. Интерес к детям был на минимальном уровне [Freitag, 2001, S. 77].

В немецких колыбельных очень распространенной оказалась прямая угроза физическим наказанием, например, так проявилась группа **«Обозначение места, по которому планируют бить»**: *der Grind* – голова, *das Hinterlein* – попка: *Heia, Poreia, mein großkopfs Kind, wenn du nicht schläfst, schlag ich dir auf'n Grind* (Баю-баю, мой Филлипок, если ты не уснешь, стукну тебя я по голове).

Группа **«Явления природы»** представлена в нашем материале только в немецком языке, образ *arger Wind* «злой ветер» агрессивен, он выдувает глаза ребенку, чтобы тот побыстрее их закрыл и заснул.

Тематическая группа **«Звукоподражания»** одинаково представлена и в русском и в немецком языке, как правило, основная цель употребления звукоподражаний укачать, убаюкать ребенка. В.П.Аникин писал, что в песнях, назначение которых убаюкать ребят, высокого совершенства достигает ритмика и звуковое «оформление» в полном соответствии с покачиванием и скрипом зыбкой колыбели: *А качи, качи, качи, Прилетели к нам грачи, Ворота-то скрип, скрип! А Колянька спит, спит* [Аникин, 1957, с. 92].

Группа **«Название поощрений, подарков»** очень разнообразна: в русских колыбельных награду обещают не только ребенку, но и коту за укачивание ребенка: *корки с мяконькой, сметанка, молочко*. В немецких и русских колыбельных в качестве награды выступают продукты питания: *der Brei* – каша, *пирожок, горшок каши, калачи, пряник, сосочка с рож-*

ком, сайка, предметы одежды: *rote Mützen* – красные шапки, *zipun*, *шубки*, шапки, валенки, платочек, носки лаковые, сапожки. Единственное отличие в том, что в качестве домашнего питомца обещают *das Vögelchen* – птичку.

Примечательным является факт, что в русских текстах анализ не выявил ни одного тропа, в котором содержалась бы синестетическая ассоциация. Это может быть объяснено двумя важными моментами: во-первых, колыбельные изначально предназначены для переходного периода ребенка от бодрствования ко сну, поэтому нет необходимости в украшении текста метафорами, во-вторых, малый возраст усиливает значимость бессознательного в восприятии. В немецких колыбельных встречаются несколько типичных словосочетаний с синестетическими ассоциациями. *schlafen süß* – сладко спать, *träumen süß* – смотреть сладкие сны. Выражение *сладко спать* хорошо знакомо носителям русского языка, но в исследованном нами материале оно не встретилось ни разу. Обращение к данным национального корпуса русского языка показывает, что это выражение встречается в основном в поэтическом и художественном тексте. Для получения значимых выводов необходимо дальнейшее расширение исследуемого материала.

Таким образом, проективный анализ корпуса текстов детских фольклорных колыбельных песен для самых маленьких в русской и немецкой лингвокультурах с точки зрения отражения в детских фольклорных песнях на немецком и русском языках синестетической информации на уровне лексики, ритмики и фонетики показал, что существуют универсальные и национально обусловленные явления, гипотетически связанные с особенностями языка. Исследование текстов, предназначенных для устного воспроизведения, с использованием психолингвистических фоносемантических методов может позволить обнаружить устойчивую статистически значимую связь с некоторыми базовыми семантическими областями.

Литература

- Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 404 с.
- Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя. М.: Учпедгиз РСФСР, 1957. 240 с.
- Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 159 с.
- Венгранович М.А. Экстралингвистическая обусловленность лингвостилевой специфики фольклорного текста. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 196 с.
- Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. (Учен. записки Тартуского гос. ун-та. Лингвистическая семантика и семиотика; Вып. 442) Тарту, 1978. С. 63 – 112.
- Горелов И.Н. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л.: Наука, 1969. С. 17 – 20.
- Ивахнов Д.С. Психолингвистическое исследование корреляций общесемантической и ритмической структуры текста: дис.... канд. филол. наук. Саратов, 1987. 191 с.

- Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор: учеб. пособие. М.: Флинта, 2016. 518 с.
- Левицкий В.В. Семантические и стилистические функции начальных сочетаний фонем в немецком языке // Иноземная филология. 1986. Вып. 81. С. 75 – 80.
- Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 518 с.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 398 с.
- Прокофьева Л.П. Цветовой фон поэтического текста (К проблеме выделения единиц, носителей звуко-символического смысла) // Исследования по художественному тексту: материалы 3-х Саратовских чтений по художественному тексту. Саратов: СГПИ, 1994. С. 62 – 65 с.
- Тимофеев Л.И. Очерк теории и истории русского стиха. М.: Гослитиздат, 1958. 413 с.
- Цейтлин С. Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. М.: Владос, 2000. 240 с.
- Швачкин Н.Х. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // Возрастная психолингвистика: хрестоматия. М.: Лабиринт, 2004. С. 113 – 143.
- Чуковский К.И. От двух до пяти. Минск: Учпедгиз БССР, 1957. 276 с.
- Freitag T. *Kinderlied – Von der Vielfalt einer musikalischen Liedgattung*. Frankfurt am Main: Peter Lang AG, 2001. 304 S.
- Householder F.W. On the Problem of Sound and Meaning // *Word*. 1946, Vol. 2, № 1, P. 83 – 84.
- Marks L.E. On Colored-Hearing Synesthesia: Cross Modal Translations of Sensory Dimensions // *Psychological Bulletin*. 1975. Vol. 82. P. 303 – 331.
- Röhr-Sendlmeier U. M. Die Entwicklung frühkindlicher Vokalproduktionen aus phonetischer Perspektive // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. Heft 42. Frankfurt a.M., 2005. S. 63 – 81.

References

- Anikin V.P. *Teoriya fol'klora: Kurs lektsii*. M., 1996. 404 p. (In Russian).
- Anikin V.P. *Russkie narodnye posloviitsy, pogovorki, zagadki i detskii fol'klor*: posobie dlya uchitelya. M., 1957. 240 p. (In Russian).
- Artemenko E.B. *Sintaksicheskii stroi russkoi narodnoi liricheskoi pesni v aspekte ee khudozhestvennoi organizatsii*. Voronezh, 1977. 159 p. (In Russian).
- Chukovskii K.I. *От двух до пяти*. Minsk, 1957. 276 p. (In Russian).
- Freitag T. *Kinderlied – Von der Vielfalt einer musikalischen Liedgattung*. Frankfurt am Main, 2001. (In German).
- Gasparov B.M. Ustnaya rech' kak semioticheskii ob'ekt. *Semantika nominatsii i semiotika ustnoi rechi*. Tartu, 1978, pp. 63-112. (In Russian).
- Gorelov I.N. O vozmozhnoi primarnoi motivirovannosti yazykovogo znaka. *Materialy seminarov po probleme motivirovannosti yazykovogo znaka*. Leningrad, 1969, pp. 17-20. (In Russian).
- Householder F.W. On the Problem of Sound and Meaning. *Word*, 1946, vol. 2, no. 1, pp. 83-84. (In English).
- Ivahnov D.S. *Psiholingvisticheskoe issledovanie korrelyatsii obshchese-manticheskoi i ritmicheskoi struktury teksta: dis...kandidata filologicheskikh nauk*. Saratov, 1987. 191 p. (In Russian).
- Kapitsa F.S., Kolyadich T.M. *Russkii detskii fol'klor: uchebnoe posobie*. M., 2016. 320 p. (In Russian).

Levitskii V.V. Semanticheskie i stilisticheskie funktsii nachal'nykh sochetanii fonem v nemetskom yazyke. *Inozemna filologiya*, 1986, vyp.81, pp.75-80. (In Russian).

Marks L.E. On Colored-Hearing Synesthesia: Cross Modal Translations of Sensory Dimensions. *Psychological Bulletin*, 1975, vol. 82, pp. 303-331. (In English).

Mikhalev A.B. *Teoriya fonosemanticheskogo polya. Dvadsat' let spustya*. Pyatigorsk, 2018. 518 p. (In Russian).

Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki*. M., 1997. 398 p. (In Russian).

Prokofeva L.P. Tsvetovoi fon poeticheskogo teksta (K probleme vydeleniya edinits, nositelei zvukosimvolicheskogo smysla). *Issledovaniya po khudozhestvennomu tekstu: materialy 3-kh Saratovskikh chtenii po khudozhestvennomu tekstu*. Saratov, SGPI, 1994, pp. 62-65. (In Russian).

Röhr-Sendlmeier U. M. Die Entwicklung frühkindlicher Vokalproduktionen aus phonetischer Perspektive. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Heft 42*. Frankfurt a. M., 2005, pp. 63-81. (In German).

Shvachkin N.H. Razvitie fonemacheskogo vospriyatiya rechi v rannem vozraste. *Vozrastnaya psikholingvistika: khrestomatiya*. M., 2004, pp. 113-143. (In Russian).

Timofeev L.I. *Ocherk teorii i istorii russkogo stikha*. M., 1958. 415 p. (In Russian).

Tseitlin S. N. *Yazyk i rebyonok: Lingvistika detskoi rechi*. M., 2000. 240 p. (In Russian).

Vengranovich M.A. *Ekstralingvisticheskaya obuslovlennost' lingvistilevoi spetsifiki fol'klornogo teksta*. Petrozavodsk, 2004. 196 p. (In Russian).

Anna A. Ermakova, Larisa P. Prokofyeva (Saratov, Russian Federation)

Synesthetic Associations in German and Russian Lullabies

The article defines a concept of synesthesia on the ground of modern outlooks about the role of intersensory associations in the minds of native speakers, it is made attempt in the identification of its role in the folklore text. It is given a characteristic of folklore text as material for phonosemantic research in the light of reflection of synesthetic elements in it, its role is underlined as carrier of soundsymbolic information. It is made complex analysis of rhythmomelodic structure of 30 lullabies in German and Russian. As part of research it was marked a predominance of dimeters both in Russian and in German texts, in particular a trochaic, as well as consecutive use of anapestic metre in Russian lullabies with an expressions of threat, intimidation. Lexical-semantic analysis allowed distinguishing the groups, where there were identified the similarities and characteristic features taking in account national culture and traditions. The analysis did not identify synesthetic trope in Russian texts, but in German lullabies there were marked few single typical phrases.

Key words: *complex text analysis, phonosemantics, Russian and German folklore, lullabies, synesthesia.*

Anna A. Ermakova – post-graduate student of Russian and Latin dpt. Saratov State Medical University. E-mail: anna5fox@bk.ru

Larisa P. Prokofyeva – grand Ph.D. of Philology, head of Russian and Latin dpt. Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation. E-mail: prokofievalp@mail.ru